

щаться от тех, кто на меня нападал. Надо сказать, что крестьян в тех местах называли «жеребята». Мэтр Пьер д'Авалон, который жил в Тире, слышал, что меня называют «жеребенком», потому что я посоветовал королю оставаться в этой стране. Он передал мне это и сказал, что, защищаясь от тех, кто меня так называет, я могу сказать, что предпочитаю быть жеребенком, чем такой старой клячей, как они сами.

На следующее воскресенье мы снова собрались все вместе на встречу с королем. Когда он увидел, что все мы на месте, то прежде, чем обратиться к нам, перекрестил себе рот. (Насколько я понимаю, таким образом он призвал Святого Духа; как однажды мне объяснила моя дорогая матушка – каждый раз, когда собираешься что-то сказать, необходимо призвать на помощь Святого Духа и перекрестить рот.)

«Мессирь, – сказал король, – я искренне благодарю тех, кто посоветовал мне вернуться во Францию, а также тех, кто дал совет оставаться здесь. Но я пришел к мнению, что, если останусь, опасность потери королевства мне не угрожает, потому что у королевы-матери достаточно людей для защиты его. Кроме того, я обдумал слова сеньоров, обитающих здесь, что если я уеду, то Иерусалимское королевство будет потеряно, потому что после моего отбытия никто не осмелится оставаться здесь. Посему я решил, что ни в коем случае не брошу Иерусалимское королевство, поскольку прибыл сюда с целью отвоевать и защищать его земли. И сейчас я принял окончательное решение оставаться. А теперь я хочу сказать всем вам, моим дворянам, которые в настоящий момент присутствуют здесь, говорить со мной смело и откровенно; я предлагаю вам столь благородные условия, чтобы ошибка была не моей, а вашей, если вы решите не оставаться». Многие из тех, кто слышал эти его слова, преисполнились восхищения, и многие плакали.

Говорят, король приказал своим братьям вернуться во Францию, но не могу сказать, сделали ли они это сами или подчинились его желанию. Сообщение его величества о его намерении отъехать за морем было сделано в День святого Иоанна. Месяц спустя, в День святого Иакова – я совершил паломничество к его гробнице, которое осенило меня большой благодатью, – король после мессы вернулся в свои покои и собрал тех членов своего совета, которые остались с ним. Среди них был камергер Пьер, самый преданный и прямодушный человек из всего окружения короля, достойный и отважный рыцарь Жоффруа де Саржине и столь же уважаемый Жиль ле Брюн, которого король сделал коннетаблем Франции после смерти Эмбераде Божо.

Король обратился к ним громким голосом и тоном, который говорил о его неудовольствии. «Мессирь, – сказал он, – прошел уже месяц после того, как стало известно, что я остаюсь здесь, но я пока не слышал, что вы привлекли каких-то рыцарей ко мне на службу». – «Ваше величество, – ответили они, – мы делаем все, что можем, но все они, поскольку на самом деле хотят вернуться в свои страны, требуют такую высокую цену за свою службу, что мы не можем дать им то, что они просят». – «Кто же из них, – спросил король, – может обойтись вам дешевле прочих?» – «На самом деле, ваше величество, – ответили они, – им бы мог быть сенешаль Шампани, но и ему мы не можем дать так много, как он требует».

В это время мне довелось быть в покоях короля, и я слышал, что они говорили. «Позовите сюда сенешаля», – приказал король. Я вышел и встал перед королем на колени. Он заставил меня сесть и сказал мне: «Ты знаешь, сенешаль, что я всегда тепло относился к тебе, но мои люди говорят, что, как они выяснили, с тобой очень трудно иметь дело. Почему?» – «Ваше величество, – сказал я, – тут я ничем не могу помочь. Как вы знаете, когда я был взят в плен на воде, у меня не осталось никакого имущества; я потерял все, что имел». Он спросил, что я требую, и я сказал, что хочу двести тысяч ливров, чтобы продержаться до Пасхи, которая наступит через две трети года.

«А теперь поведай мне, – сказал он, – пытался ли ты заключить сделку с кем-то из рыцарей?» – «Да, – сказал я, – с Пьером де Понмоленом, одним из трех королевских знаменосцев, каждый из которых обойдется мне в четыреста ливров». Король стал загибать пальцы. «Значит, новые рыцари, – сказал он, – будут стоить тебе тысячу двести ливров». – «Но, сир, – сказал я, – прошу вас учесть, что, если я не потрачу добрых восемьсот ливров, чтобы приобрести для себя коня и доспехи, а также на пропитание моих рыцарей, вы же, я предполагаю, не захотите разделить с нами трапезу». И тут король сказал своим советникам: «Я не вижу в этом ничего зорного». И, повернувшись ко мне, добавил: «Я беру тебя ко мне на службу».

Вскоре после этого братья короля и другие знатные люди из Акры привели свои корабли в готовность. Когда они собирались отплыть, граф де Пуатье одолжил драгоценности у тех, кто возвращался во Францию, и щедро передал их тем из нас, кто оставался. Оба брата короля очень